

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ

МАЛЕНЬКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Иллюстрации Ирины Кондрашовой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

ГЛАВА I

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— **Б**ез подарков и Рождество не Рождество, — недовольно проворчала Джо, растягиваясь на коврике перед камином. — Как это отвратительно — быть бедным! — вздохнула Мег, опустив взгляд на своё старое платье.

— Это просто несправедливо, что у одних девочек полно красивых вещей, а у других совсем ничего нет, — обиженно засопев, добавила маленькая Эми.

— Зато у нас есть папа и мама, и все мы есть друг у друга, — с удовлетворением отозвалась из своего угла Бесс.

При этих ободряющих словах четыре юных лица на мгновение оживились, но тут же омрачились снова, так как Джо сказала печально:

— Нет с нами папы и не будет, пока война не закончится...

Она не произнесла: «А может быть, никогда», но каждая из них добавила эти слова про себя, задумавшись об отце, который так далеко от них — там, где войска северных штатов сражаются с мятежниками-южанами.

С минуту все молчали; затем Мег заговорила другим тоном:

— «Птички в гнёздышке своём все щебечут в лад», — запела Бесс с таким забавным выражением лица, что все рассмеялись.

— Обе вы, девочки, заслуживаете порицания, — сказала Мег, принимаясь за поучения на правах старшей сестры. — Твои манеры, Джозефина, не имели большого значения, пока ты была маленькой. Но теперь, когда ты такая высокая и носишь «взрослую» причёску, тебе следует помнить, что ты уже барышня, а не мальчишка-сорванец. А что касается тебя, Эми, то ты чересчур чопорна и церемонна. Пока это просто смешно, но ты рискуешь со временем превратиться в глупую жеманную гусыню. Все эти твои нелепые слова ничуть не лучше, чем жаргон Джо.

— Если Джо — мальчишка-сорванец, а Эми — жеманная гусыня, то кто же я? — спросила Бесс, готовая выслушать упрёки в свой адрес.

— Ты просто прелесть, — ответила Мег с теплотой, и никто не возразил ей, ведь Бесс была любимицей всей семьи.

Декабрьские сумерки медленно сгущались, за окнами тихо падал пушистый снег, в камине, возле которого с вязаньем в руках сидели четыре сестры, весело потрескивал огонь. Лежавший на полу ковёр был старым и выцветшим, а мебель в комнате самой простой, но на стенах висело несколько хороших картин, шкаф был заполнен книгами, на подоконниках цвели маленькие розочки, и всё вокруг дышало домашним уютом и покоем.

Маргарет, старшей из сестёр, недавно исполнилось шестнадцать, и она была очень хороша собой: полненькая и беленькая, с большими глазами, мягкими тёмными волосами и белыми ручками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя

Марч была удивлена и тронута. Улыбаясь, она рассматривала подарки и читала приложенные к ним записочки. Немало было смеха, поцелуев, весёлых объяснений — и всё это в той простой и радостной домашней атмосфере, которая делает семейные праздники такими приятными и заставляет с нежностью вспоминать о них долгие годы.

А потом все занялись приготовлениями к вечернему спектаклю. Девочки не могли позволить себе больших расходов, поэтому им приходилось пускать в ход всю свою изобретательность и самим делать всё необходимое для домашних представлений: гитары из досок для разделки теста, старинные лампы из маслёнок, обёрнутых серебряной бумагой, доспехи из вырезанных в форме ромбов кусочков жести.

Никакие мальчики к участию в представлениях не допускались, так что Джо могла исполнять мужские роли сколько душе угодно и в каждом спектакле с удовольствием надевала пару сапог из некрашеной кожи, подаренных ей одним из друзей, который был знаком с одной дамой, близко знавшей настоящего актёра.

Ограниченность численного состава труппы вынуждала двух главных актёров играть по нескольку ролей в каждой постановке, и они разучивали по три или четыре роли, а во время представления умудрялись молниеносно менять костюмы и вдобавок управляться с переменной декораций.

В рождественский вечер около десятка девочек расселось на кровати, изображавшей бельэтаж, прозвенел звонок, занавес раздвинулся, и спектакль начался.

«Мрачный лес», обещанный театральной программкой, был изображён несколькими комнатными растениями в горшках,

куском зелёного сукна на полу и пещерой на заднем плане. Пещера была сделана из двух письменных столов вместо стен и рамы для сушки белья вместо крыши. В ней на фоне ярко пылающего огня виднелся чёрный котелок, над которым склонялась старая волшебница. Выдержав минутную паузу, чтобы улеглось первое волнение среди публики, вошёл Гуго, злодей с чёрной бородой, позвякивающей рапирой на боку, в шляпе с большими полями, широком плаще и сапогах из некрашеной кожи. Походив взад и вперёд по сцене в большом волнении, он запел о своей ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и добиться любви от второй. Грубоватые звуки голоса Гуго, переходящие иногда от избытка чувств

— Тебе придётся сидеть смиренно и не поворачиваться спиной, а спереди всё в порядке. У меня будет новая лента для волос, мама даст мне свою булавку с жемчугом, а мои новые туфли — просто прелесть, и перчатки сойдут, хотя они и не очень красивые.

— Мои испорчены лимонадом. Придётся пойти без перчаток, — сказала Джо, которую никогда не волновали её туалеты.

— Без перчаток не ходят на танцы! — решительно заявила Мег.

— Каждая из нас может надеть одну хорошую перчатку, а в руке будет нести плохую, — предложила Джо.

— Ну, хорошо. Только не испачкай мою перчатку и веди себя прилично. Не закладывай руки за спину, не глазей ни на кого и воздержись от этой своей любимой присказки «Христофор Колумб!».

— Не волнуйся. Я постараюсь не попасть ни в какие переделки. Теперь иди и ответь на приглашение, а мне дай дочитать эту замечательную историю.

И Мег удалилась, чтобы «принять с благодарностью» приглашение и пришить к своему платью маленькую рюшечку из настоящих кружев, пока Джо заканчивала с книжкой, четырьмя яблоками и вознёй со Скрэбл, ручной крысой, которая жила на чердаке и ничуть не возражала против присутствия Джо.

Накануне Нового года в гостиной не было ни души, потому что обе младшие девочки присутствовали в комнате старших, поглощённых крайне важным делом — приготовлениями к вечеринке. Мег пожелала иметь несколько кудряшек надо лбом, и Джо зажала завёрнутые в бумажки пряди волос горячими щипцами.

— Какой странный запах! Похоже на палёную курицу, — заметила Эми, с видом превосходства поглаживая свои красивые локоны.

— А теперь я сниму бумажки — и вы увидите пушистое облако мелких колечек, — объявила Джо, отложив щипцы.

Она сняла бумажки, но обещанного «облака колечек» не оказалось — обожжённые волосы остались в бумажках, и перепуганная парикмахерша положила несколько маленьких чёрных блинчиков на туалетный столик перед своей жертвой.

— Не везёт мне, как всегда! Щипцы оказались слишком горячими! — простонала бедная Джо.

— Отлично, спасибо, мистер Лоренс, но я не мисс Марч, а всего лишь Джо.

— А я не мистер Лоренс, а просто Лори.

— Лори Лоренс — какое странное имя!

— Моё настоящее имя Теодор, но я его не люблю, потому что приятели зовут меня Дорой. Поэтому я заставил их называть меня Лори.

— Я тоже хотела бы, чтобы все говорили Джо вместо Джозефина. А как вам удалось добиться, что мальчишки перестали называть вас Дорой?

— Я их лупил.

— Я не могу отлупить тётю Марч, так что, наверное, мне придётся терпеть и дальше.

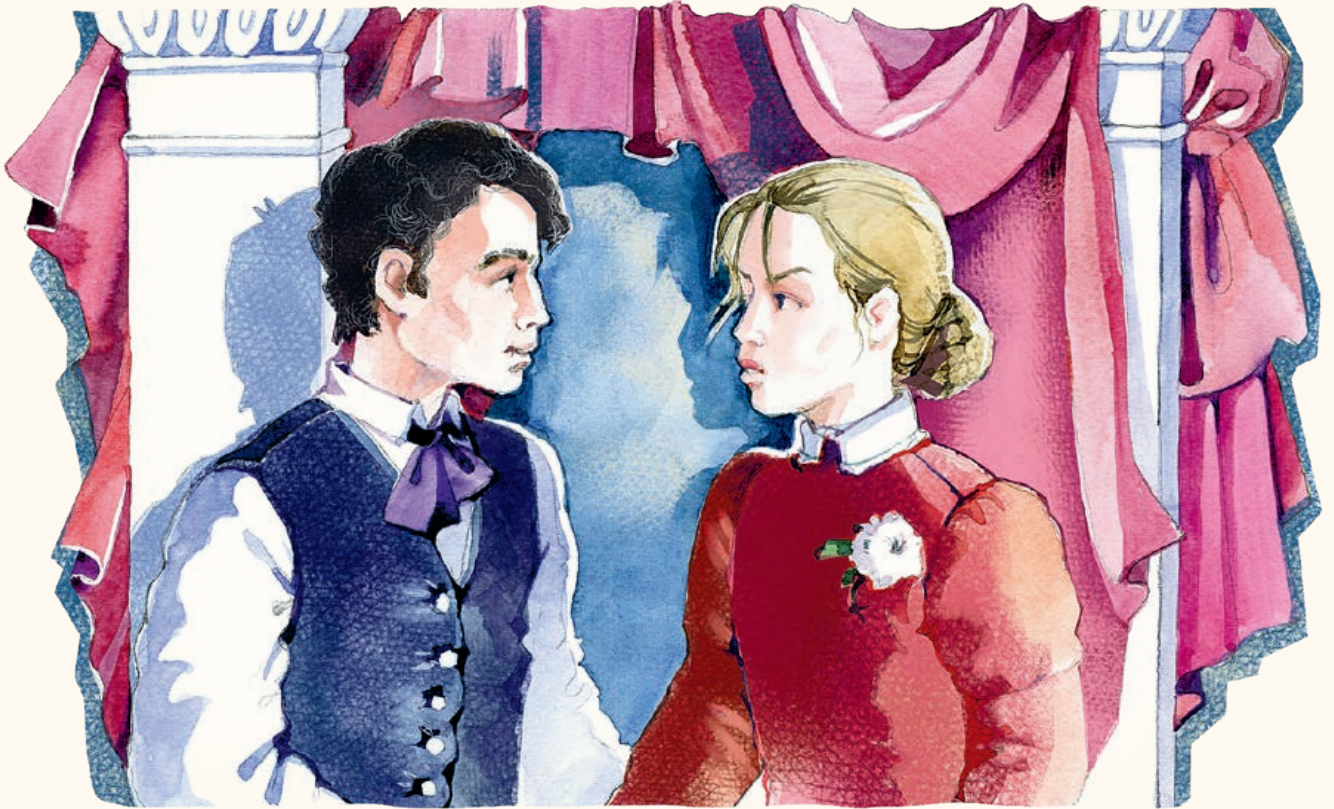
— Вы не любите танцевать, мисс Джо? — спросил Лори; судя по его виду, он считал, что это имя ей отлично подходит.

— Очень люблю, но только если много места и все просто веселятся. А в таком зале, как этот, я непременно что-нибудь опрокину или наступлю кому-нибудь на ногу, так что стараюсь держаться подальше от греха. А вы танцуете?

— Иногда. Понимаете, я несколько лет прожил за границей, а здесь ещё мало бывал в обществе и не знаю, как у вас танцуют.

— За границей! — воскликнула Джо. — Расскажите! Я люблю, когда рассказывают о путешествиях.

И Лори рассказал ей о том, как учился в школе для мальчиков в Швейцарии, где они катались на лодках по озеру, а на каникулах путешествовали пешком по стране вместе с учителями.

— А теперь вы, вероятно, готовитесь к поступлению в университет? Я видела, что вы корпите над книжками... я хотела сказать, прилежно занимаетесь. — И Джо покраснела из-за этого ужасного «корпите», которое вырвалось так неожиданно.

Лори усмехнулся, не обиделся.

— Да, я пойду в университет через год или два.

— Как я хотела бы пойти в университет! А вы, похоже, этому не рады.

— Терпеть не могу этих университетов! Или зубрёжка, или глупые развлечения. Я хотел бы жить в Италии и заниматься тем, чем мне нравится.

Прежде чем свернуть за угол, они всегда оглядывались на родной дом, потому что мама обычно стояла у окна и с улыбкой махала им рукой.

— Если бы мама потрясла нам вслед кулаком, вместо того чтобы посылать воздушные поцелуи, то поделом бы нам, негодницам, было! — воскликнула Джо, испытывая мрачное удовлетворение от прогулки по снегу на пронизывающем ветру.

— Себя можешь называть как хочешь, но я не «мерзавка» и не «негодница», — отозвалась Мег из глубин шали, в которую она закуталась, словно монахиня, смертельно уставшая от мира.

— Ты недовольна тем, что не можешь окружить себя роскошью. Но ничего! Вот стану знаменитой писательницей, и тогда у тебя каждый день будут экипажи, мороженое, туфли на высоких каблуках, букеты и кавалеры для танцев.

— Какая ты смешная, Джо!

— И хорошо, что смешная, а то, если бы я напускала на себя хандру, были бы мы сейчас в премилом виде. Ты тоже не ворчи, а возвращайся домой весёлой и будешь умницей.

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу, и они расстались; каждая зашагала своей дорогой, каждая несла тёплый пирожок, каждая старалась быть бодрой, несмотря на холодную ветреную погоду, предстоящую неприятную работу и неудовлетворённые желания жаждущей удовольствий юности.

Когда мистер Марч в попытке помочь неудачливому другу лишился своего состояния, старшие дочери попросили разрешения взяться за какую-нибудь работу, которая обеспечивала бы их содержание. Мег нашла место гувернантки со скромным жалованьем. Она, в отличие от младших сестёр, хорошо помнила то время, когда дом был красивым, а жизнь полной

начала бояться, что он уехал, когда однажды высмотрела в одном из окон второго этажа его смуглое лицо. Он печально смотрел в сад Марчей, где Бесс и Эми играли в снежки.

«Этому юноше одиноко, — сказала себе Джо. — Его бабушка просто не понимает, что полезно для внука, и держит его взаперти. И я непременно когда-нибудь пойду и вмешаюсь в это дело!»

Намерение «пойти и вмешаться» не было забыто, и в этот снежный день Джо решила предпринять первую попытку. Она увидела, как отъехал от дома в экипаже мистер Лоренс, и вышла в сад, чтобы расчистить себе путь к изгороди. Там она остановилась и окинула взглядом особняк. Всё тихо — ни следа человеческого присутствия, кроме кудрявой чёрной головы, опущенной на худую руку, в окне второго этажа.

«Это он, — подумала Джо. — Бедняга! Совсем один в такой мрачный день. Брошу-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу ему доброе слово».

Снежок взлетел к окну — кудрявая голова мгновенно обернулась, и показалось лицо, сразу утратившее равнодушное выражение. Джо кивнула, засмеялась и, помахав метлой, закричала:

— Как поживаешь? Болеешь?

Лори открыл окно и прокаркал хрипло, словно ворон:

— Уже лучше, спасибо. Сильно простудился, сидел дома целую неделю.

— Сочувствую. А как развлекаешься?

— Никак. Тоскливо тут, как в могиле.

— Читаешь?

— Немного. Мне не позволяют.

— Тогда позови кого-нибудь в гости.

— Мальчишки вечно поднимают ужасный гвалт, а я всё ещё чувствую слабость.

— Позови девочку. Девочки обычно тихие, милые и любят играть в сиделок.

— Да я ни одной не знаю.

— Ты знаешь нас, — начала было Джо, но тут же рассмеялась и умолкла.

— В самом деле! Приходи, пожалуйста! — крикнул Лори.

— Я, конечно, не тихая и не милая, но приду, если мама позволит. Сейчас спрошу у неё разрешения.

